



Иванцов И.Г.,

кандидат исторических наук, доцент
Краснодарского государственного
института культуры

УДК 94(47)

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НЕКОТОРЫХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00239
«Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920–1930-х годов
в ракурсе культурной истории эмоций»

Аннотация: изучение истории повседневности провинциального города 1920-х гг., различных аспектов его эмоциональной составляющей во многом есть основа воссоздания микроистории повседневности региона. Для решения подобного рода задач важен, в том числе, источниковедческий анализ архивных документов. Замечательным источником являются документы, органов внутрипартийного контроля ВКП(б). Они в своем составе имеют множество контрольных дел членов партии, изучение которых позволяет выявить и некоторые эмоции, присущие горожанам провинциальных городов РСФСР.

Ключевые слова: злоупотребления, контрольное дело, контрольные комиссии, реконструкция, эмоции.

Ivantsov I.G.,

candidate of historical sciences, associate
professor Krasnodar State Institute of culture

THE EMOTIONAL COMPONENT OF SOME OFFICIAL TEXTS: PROBLEMS OF IDENTIFICATION

Summary: the study of the history of everyday life of a provincial town of the 1920s, various aspects of its emotional component largely is the basis of micro history recreating everyday life in the region. To solve such important tasks, including source analysis of archival documents. Here are a wonderful source of documents, bodies of internal party control of the CPSU(b). They are composed of many control Affairs of the party members, the study of which allows to reveal some emotions inherent in the citizens of provincial cities of the RSFSR.

Keywords: abuse, control case, control Commission, reconstruction and emotions.

В статье представлена попытка анализа некоторых индивидуальных эмоций членов ВКП(б), попавших в зону повышенного внимания следственных органов ВКП(б), а именно контрольных комиссий партии (КК). Работа основана на контрольно-следственных делах членов партии, совершивших какие-либо проступки в глазах партийной общественности и даже преступления, которые имели место в повседневности провинциального города 1920–1930 гг.

Комплекс такого рода документов помогает изучению истории повседневности. Кроме того, что важно, они содержат и информацию об эмоциональной стороне повседневной жизни горожан. Реконструировать такого рода информацию довольно сложно, но все-таки представляется возможным. Андрей Зорин считает, что эмоции – это, конечно, не тексты, но мы о них узнаем с помощью текстов, реконструируем их внетекстовую природу на основе текстуального анализа, потому что другого способа их «уцепить» у нас нет [1]. Конечно, официальные делопроизводственные документы содержат

<http://vestnikkguki.esrae.ru>

информацию об эмоциональных переживаниях в неявном виде. Но и их можно попытаться «уцепить», выявить некоторые из них. Задачей данной статьи и является попытка проанализировать ряд архивных документов контрольных органов на предмет извлечения «эмоциональной» информации.

Разберем первый случай. Из итогов обследования Северокавказской краевой советской партийной школы для нацменов, Новороссийской городской КК, от 3–5 декабря 1930 г.

Один из курсантов школы, член ВКП(б) Пигарев, во время спора с курсантом Харитонником высказал свое отношение к генеральной линии партии, в основном сводящееся к следующему: «Для чего мы живем – чтобы лучше пожить, а у нас совсем пожить нечего. Посмотри на иностранного рабочего (которых в то время немало прибывало в Новороссийске. – Авт.), весь в шелку, в лаковых ботинках, а мы разуты и раздеты, потому что с нас кровь сосут. Кто сосет – все те, кто занимает командные должности, т.е. спрашивается, за кого я должен бороться, чтобы мне жилось хорошо? Я считаю неправильным, чтобы я боролся для всех и умер ради блага других, я с этим никогда не был согласен и не буду, для чего мне темпы, нам нужна шамовка. 8 часов напряженной работы, шамовки не хватает – это никуда не годится. Мы вот коммунисты сами себя обманываем, мы знаем, что всего у нас не хватает, а как только сказал, что нам плохо живется, так сейчас же пришивают правый уклон. Я жду войну для того, чтобы прошмыгнуть за границу, где я буду жить вольней, лучше и буду ходить в шелку» [2].

Во время этих речей Пигарев находился в одной комнате с Харитонником и еще одним курсантом, Соломахиным. Пока Пигарев спорил с Харитонником, тот начал говорить о контрреволюционности его речей. Соломахин не поддерживал словами Харитонника, а записывал содержание спора в блокнот и посмеивался. Затем, уходя из комнаты, сказал: «Вот бы все были такие коммунисты». К кому из присутствующих относятся эти слова, он не сказал, чем ввел в смущение Харитонника, который не понял поведения Соломахина и решил выяснить его точку зрения на спор (видимо у Пигарева).

Затем, вероятно, для выяснения точки зрения уже Соломахина он обратился в Бюро ячейки Совпартшколы. Там ему грозно указали на то, что он не подал сведений о речах Пигарева своевременно, а Соломахиноу, что он во время спора не выявил своего отношения к теме разговора и не показал своего лица сознательного коммуниста. Дело было передано в Новороссийскую городскую КК. На очной ставке со своими собеседниками Пигарев признал правильность высказанных им в споре установок, но попытался свернуть все это к шутке. Но своими показаниями Соломахин и Харитонник разбили эти попытки и доказательно выявили настоящее лицо Пигарева как контрреволюционера.

В итоге Пигарев за контрреволюционную агитацию среди курсантов СПШ как классовый враг, пролезший в партию, из ВКП(б) был исключен. Имеющийся на него материал был передан в ОГПУ [3].

Какую информацию можно почерпнуть из этого документа? На первый взгляд, обычную для «традиционного» историка, исследующего непосредственно факт: откровенное высказывание в компании своих соучеников коммуниста Пигарева о существующем социально-экономическом положении, о нелегкой жизни, продовольственных затруднениях, о его сильно завышенных представлениях о материальном положении иностранных рабочих. Наконец, его высказывания об ожидании войны, в ходе которой можно «прошмыгнуть» за границу и там жить вольно, ходить в шелках, свидетельствуют о том, что он был крайне недоволен настоящей жизнью, хотел и даже ждал перемен.

Однако нас интересует не эта вполне очевидная суть документа. Попытаемся посмотреть на данный кейс через призму истории эмоций. Уильям Редди делает агентами перемен «эмоциональные режимы», «эмоциональные страдания» и «эмоциональные убежища» [4]. По Редди, «эмоциональные режимы», которые обычно совпадают с политическими режимами, определяют доминирующие нормы эмоциональной жизни. Эмоциональные страдания происходят, когда люди вынуждены (обычно при режимах, связанных с насилием) выражать свои чувства, себя в сильно ограниченных рамках. Эмоциональные убежища обеспечивают облегчение от страданий, предлагая «безопасное освобождение от преобладающих эмоциональных норм».

Эти мысли Редди могут являться ключом к ответу на вопрос, что побудило Пигарева столь откровенно высказываться при свидетелях, когда доносы становились уже обыденной практикой. Он не сдержался или намеренно демонстрировал свои чувства товарищам? Тогда с какой целью? В РСФСР существовавший в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «эмоциональный режим» отнюдь не предполагал

таких высказываний, таких сравнений, особенно коммунистом. Скорее от него партийным общественным мнением требовалось мыслить и высказываться с вектором противоположным. Иначе говоря, хвалить положение рабочего в СССР и клеймить тяжелую жизнь рабочего в странах капиталистических, да и вообще всех иностранных.

Логично предположить, что если Пигарев стал курсантом Северокавказской краевой советской партийной школы для нацменов в г. Новороссийске, он явно вслух таких мыслей прежде не высказывал, во всяком случае, в среде коммунистов. Ведь над ним довели «доминирующие нормы эмоциональной жизни». В противном случае он в эту школу вряд ли был бы рекомендован.

Однако в данном случае он, вероятно, доверял приятелям, возможно, расслабился, и захотелось ему откровенно высказаться. Может быть напрасно, наивно, но доверился своим соученикам действительно считая их общество неким «эмоциональным убежищем».

Как считает Б. Розенвайн, понятие эмоционального режима тесно связано с эмоциональным сообществом до тех пор, пока сообщество имеет влияние на нормы и тексты большей части общества. Есть гипотеза, что «эмоциональный режим» лучше всего подходит для современного периода, с его государственным аппаратом цензуры, политическими и военными монополиями и экономическим контролем. Аналогично можно сказать, что эмоциональные убежища соответствуют маргинальным эмоциональным сообществам [5].

На самом деле для Пигарева его «эмоциональное убежище» не стало убежищем в действительности. О его высказываниях было заявлено в соответствующую партийную организацию, а затем он попал под партийное следствие Новороссийской городской контрольной комиссии. Его попытка объяснить свои речи как шуточные успеха не имели.

К сожалению, автору не удалось выявить документов, которые могли бы пролить свет на дальнейшую судьбу Пигарева. Но рискнем предположить, что она была незавидной.

Существует ряд тем, которые исследовательское сообщество историков эмоций еще только начинает разрабатывать: так совсем, или почти совсем не описано чувство «теплоты» в обществе реального социализма, обусловленное спецификой коммуникации [6].

Чувство теплоты в отношениях действительно трудно выявить, т.к. его часто можно спутать с другими, внешне похожими на него. Например, ровные и корректные служебные взаимоотношения внешне можно принять за теплые, что не всегда верно.

Попытаемся выявить действительное, на наш взгляд, «чувство теплоты» на примерах следующих документов. На заседании партийного бюро Геленджикского РК ВКП(б), 11 августа 1934 г. рассматривалось дело о хищениях. Суть дела состоит в следующем.

Иванов Иван Петрович, член партии с 1931 года, служащий, в момент преступления работал зав. столовой в г. Геленджик (на момент разбора дела находился под стражей).

Иванов, будучи заведующим столовой, «держал тесную связь с кладовщиком, с ним вместе пьянствовал, для чего брал продукты и вино из кладовой». Для того, чтобы скрыть хищения продуктов из кладовой, он фактически организовал мошенническое сообщество, занимавшееся обвешиванием посетителей находившегося при столовой буфета.

По заданию Иванова, данного им буфетчикам (с ними он тоже пьянствовал), несколько месяцев уменьшались порции, что давало возможность накопить в буфете значительные излишки. На эти суммы выписывать из кладовой подложные накладные на продукты буфета. Таким образом, благодаря жульническим проделкам и растратам своего заведующего, столовая понесла убыток на 13 280 рублей (сумма по тем временам очень большая). Кроме того, Иванов с забитого для столовой и ресторана скота, кожу сдавал в кожзаготовку от своего имени, за что получал известное «отоваривание», которое присваивал себе полностью.

Собственно, здесь практически все ясно: мелкий мошенник занимался махинациями. Решением Геленджикского народного суда Иванов был лишен свободы на 3 года. Перед судом за ряд служебных злоупотреблений, пьянство, растрату, Иванова И.П. было решено из партии исключить [7].

Однако в сухом протоколе районной КК ВКП(б) ясно упоминалось о его «тесной связи с кладовщиком». Что здесь, как не то самое «чувство теплоты»? Ведь его далеко не всегда испытывают друг

к другу поделники, компаньоны по неким махинациям, но обычно испытывают друг к другу товарищи-собутельники.

Чувство теплоты можно испытывать и к членам своего рабочего коллектива. Сделаем попытку рассмотреть его в следующем документе.

Из протокола № 10 заседания парттройки Минераловодского политотдела от 13.03.1935 г. следует, что Кузнецов Никифор Иванович, 1908 г.р., из крестьян, по профессии врач, образование высшее, медицинское, кандидат в ВКП(б) с 1932 г, член ВЛКСМ с 1923 г., партвыскааний не имел. Занимал должность главного врача дорожной больницы в г. Минводы. Обвинялся в следующем:

1. Без разрешения дорсанотдела получил дополнительно за подмену врачей в выходные дни и за ночные дежурства 522 рубля (часть денег уже вернул).

2. Проявил бесхозяйственность в руководстве больницей, в результате которой имело место:

а) подделка и неправильные расчеты ежедневных раскладок продуктов больным кладовщиком Рожковым и счетоводом Долгополовым;

б) списание по актам макарон как недостачу (от разницы в весе тарелки), в то время как следовало добиться возмещения этих продуктов со стороны ОРС;

в) выдача предназначенных на довольствие больных продуктов, рабочим прибольничного хозяйства;

г) выдача дежурному персоналу больницы полного суточного довольствия по норме больного, в то время как коллективным договором предусмотрен был лишь один обед;

д) обмен с колхозом нормированными продуктами;

е) раздача работникам всего картофеля, собранного с пригородного хозяйства больницы.

Партийный комитет ВКП(б) санитарного участка за допущенные безобразия объявил Н.И. Кузнецову строгий выговор. Однако учтя, что он был молодой администратор, не имевший опыта, было решено от работы его не отстранять, а использовать в дальнейшем и как врача по специальности, поскольку до этого он работал главным врачом, но самой врачебной практикой не занимался [8].

Из дела видно, что Кузнецов Никифор Иванович заботился не только о своих доходах. Из материалов дела явственно видно, что и об интересах рядовых больничных работников он заботился. Это выражалось в выдаче им продуктов им не предназначенных, раздаче картофеля, выращенного на больничном огороде, обмен нужных больнице продуктов с колхозом, часть которых доставалась и работникам. Ведь этого он мог бы и не делать, его никто бы не заставил. Он рисковал.

В ходе исследования истории эмоций Советской России 1920–1930 гг., отраженной в документах, возникает и такой вопрос: способны ли эмоции, относимые к «старому миру», существовать в какой-то новой, тайной или перекодированной, форме? Могут ли они влиять на «новые» эмоции? Как определяет и контролирует эмоциональную искренность своих субъектов политический режим? [9].

Попытаемся это понять еще на одном конкретном примере.

Александр Александрович Пунанцев (1902 г.р.), происходящий из рабочих города Онега Архангельской губернии, член ВКП(б) с мая 1921 г., п/б № 0280590, по социальному положению рабочий, образование – городское министерское училище и машинная военно-морская школа, служил в Красном флоте. Работал рабочим на лесопильном заводе, помощником машиниста на Новороссийском заводе Рембытмашприбор по производству холодильной продукции. На момент совершения приписываемого ему дела являлся председателем Клуба Строителей «Красный партизан».

Вместе с ним по делу проходили: Игнат Петрович Устинов, член ВКП(б) с 1920 г., инструктор профсоюза строителей и казначей Клуба Строителей «Красный Партизан»; Иван Григорьевич Кулешов, член ВЛКСМ с 1925 г., заведующий буфетом Клуба Строителей «Красный Партизан». Все они обвинялись в халатном отношении к работе, в недостатке денег в кассе клуба на сумму 1875 рублей, 53 копейки.

Пунанцев и Устинов (27–28 января 1928 г.) были приговорены Черноморским окружным судом по уголовному отделу, к одному году лишения свободы каждый. Кулешов был приговорен к 8 месяцам лишения свободы. Но тут же были освобождены и оставлены под подпиской (видимо о невыезде) [10].

Но нас интересует дело А.А Пунанцева, поскольку он был личностью по-своему весьма примечательной. Началось все с жалобы. Член заводского комитета цементного завода «Пролетарий» г. Но-

вороссийска, Шендо Ф.Л. направил в Черноморскую окружную КК заявление следующего содержания: «В 1927 г., в июле месяце председатель правления клуба «Красный Партизан» Пунанцев А.А. попросил у него 25 рублей на половину дня для каких-то клубных целей и дал расписку, что на завтра к 11 часам принесет деньги в окружное правление клуба строителей. Но прошло несколько дней, затем недель, а денег не было. Когда я его встретил и спросил о деньгах, он сказал: денег нет, я же снимаюсь с работы и дело на меня передано в Угро».

Шендло передал эту расписку секретарю партийной ячейки клуба строителей, в которой Пунанцев состоял, для воздействия на Пунанцева, но это не помогло. Секретарь передал эту расписку агенту «Угро» Михайлову, который вел следствие о растратах Пунанцева и он приобщил ее к делу. Однако денег так и не получил, поскольку Пунанцев говорил, что с него удерживают зарплату по исполнительному листу. Когда попросил отдать хоть 15 рублей, он категорически ответил: «Сумел передать расписку с суд, умей и ждать». Шендло ждал два года, и наконец, просил у окружной КК подать в суд, поскольку по-хорошему тот денег не отдавал» [11].

А вот выписка от 10 октября 1929 г. из протокола заседания проверочной комиссии партийной ячейки ВКП(б) «Холодильника» 2-го горрайкома г. Новороссийска.

Из протокола ясно следующее:

1. В декабре 1927 г. Пунанцеву, райкомом ВКП(б) был объявлен выговор за растрату.

2. В июне 1928 г., окружная КК объявила ему строгий выговор с предупреждением за халатное отношение к службе, выпивки и недостатку.

3. В июле Краевая КК ВКП(б) объявила ему выговор за халатное отношение к своим обязанностям.

Ему был задан ряд вопросов. Вот наиболее интересные из них:

1. «Работал ли в органах ЧК?

Ответ: Да в 1921 г. был осведомителем в политбюро. И теперь у меня есть струнка осведомителя».

2. «Почему на тебя некоторые товарищи смотрят недоверчиво?

Ответ: Вокруг меня создали нездоровую обстановку, зная о моей работе в ЧК, смотрели на меня как на сыщика и агента».

В прениях разгорелась дискуссия. Члены партийной ячейки откровенно высказались о характере А. Пунайцева. Одна из членов ячейки, Дерчанская сообщила следующее. «Пунанцев рассказывал мне, что он был на Северном фронте в плену у англичан, переделся офицером, попал в доверие к генералу, пил и кутил с ним, а потом сбежал к красным. А теперь он это отрицает, не знаю, когда он врал. На счет денег у него слабость. 180 рублей, собранные коллективом и предназначенные для Красной армии, он израсходовал не по назначению. Берет на себя много работы, а сам ее не выполняет. Выпивает».

Из выступлений других членов ячейки выяснилось, что «Пунанцев груб с администрацией, не выдержан. Однако комсомольцы к нему привыкли как к штатному докладчику, работе комсомола он помогал».

Сам Пунанцев сказал, что «Дерчанская его рассказ весь напутала и переврала». Ему было предложено погасить свою задолженность, и вновь «за болтливость о работе в органах ЧК, выпивки и невыдержанность ему был объявлен выговор» [12].

Свои долги он погасил, но через длительное время, только в январе 1930 г. [13].

8 февраля 1930 г., партколлекгией Черноморской окружной КК, за невыдержанность, болтливость, денежные махинации и растраты он был из ВКП(б) исключен [14].

Далее начались события, не очень укладывающиеся в логику здравого смысла. Считая выговоры, объявленные ему, предвзятыми, он подавал апелляции в вышестоящие КК. 16 марта 1930 г., та же партколлекгия, исключившая Пунанцева полтора месяца назад из ВКП(б), вновь восстановила его в партии [15].

Пьянство, болтливость, растраты и денежные махинации, грубость, все эти поступки порождали эмоции, которые молодая советская власть относилась к старому, отжившему по ее представлениям, миру. Власть боролась с их проявлениями, особенно в среде коммунистов. Собственно за такие проявления он и был исключен из партии.

Однако затем, через довольно короткое время, он в партии был восстановлен. На это должны были быть весомые причины. Может быть, случайно выяснившееся обстоятельство, что он ранее был

осведомителем и по его собственным словам, в душе таковым и оставался? Ведь он рассказал об этом без всякого стеснения.

Здесь мы можем идти только по пути предположений. Может быть политический режим, определяя и контролируя эмоциональные проявления своего субъекта А.А. Пунанцева вначале не считал их терпимыми, затем нашел их допустимыми. И решил использовать столь ценного работника, имевшего тягу к осведомительству, на благо режиму. Прямых документов, это подтверждающих, автору статьи обнаружить не удалось, кроме, разумеется, документа о его восстановлении в партии. Он косвенно может подтвердить такую догадку, хотя сам по себе ничего не доказывает. Смелое заявление Ф.Л. Шендо о том, что дело на него передано в «Угро» и денег ему не будет, тоже косвенно говорит о том, что Пунанцев не боялся следственных органов. А дальнейший ход событий это подтвердил.

Напоследок можно добавить следующее. Приблизительно с сентября 1930 г. фамилия Пунанцев начинает фигурировать в документах Новороссийской городской КК как ее активного члена, партийного следователя. Но тот ли это человек, о деле которого здесь говорилось, или другой, его однофамилец, к сожалению, точно выяснить не удалось [16].

Таким образом, архивные документы контрольных органов партии позволяют понять, как шло формирование новых пролетарских ценностей, как органы внутрипартийного контроля помогали становлению новых представлений о власти, о роли народа в происходящих преобразованиях. Но некоторые документы позволяют понять и повседневную жизнь провинциального города, а также выявить, какие индивидуальные эмоции проявлялись в партийном эмоциональном сообществе в 1920–1930 гг.

Исследования повседневности помогают выявить не только объективную сферу бытия человека, но и сферу его эмоциональной субъективности. Вырисовывается картина того, как укладом повседневности детерминированы поступки людей, влияющие на ход истории.

Список использованной литературы и источники:

1. Зорин А. История эмоций. URL: <http://polit.ru/article/2004/06/18/zorin/>
2. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1180. Оп. 1. Д. 1. Л. 159.
3. ЦДНИКК. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 1. Л. 159–160.
4. Термины приведены примерно, точные определения в Reddy WM. THE NAVIGATION OF FEELING: A Framework for the History of Emotions. N.Y.: Cambridge University Press, 2001. XIV, 380 p, p. 129.
5. Barbara H. Rosenwein. Problems and Methods in the History of Emotions// Passions in Context I. №1. 2010. p.22–23.
6. Plamper J. Geschichte und Gefühl. Grundlagen der Emotionsgeschichte. Siedler, 2012. S. 345.
7. ЦДНИКК. Ф. 412. Оп. 1. Д. 55. Л. 8-9.
8. ЦДНИКК. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 52. Л. 31.
9. Винницкий И. Заговор чувств или русская история на «эмоциональном повороте» // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 441–460. С. 441.
10. ЦДНИКК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 757. Л. 15, 15 об.
11. Там же. Л.5, 5 об.
12. Там же. Л.13.
13. Там же. Л.14.
14. Там же. Л.18.
15. Там же. Л.26.
16. ЦДНИКК. Ф. 1180. Оп.1. Д.1.